

С.Ю. БАРСУКОВА, д.с.н., профессор,
Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики

УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТЕКЦИОНИЗМА*: РАЗМЫШЛЕНИЯ С.Ю. ВИТТЕ И Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА

Современный взгляд на протекционизм

Экономическая политика России последних лет все чаще становится предметом жарких дискуссий в контексте противопоставления протекционизма и фритредерства. Предметом споров, как правило, выступают конкретные сюжеты – будь то предстоящее вступление страны в ВТО, принятие поправок к Таможенному кодексу или Единый таможенный союз с Белоруссией и Казахстаном. И у всех сторон на руках цифры, расчеты, графики. Но, в конечном счете, позиция дискутирующих определяется их фундаментальными экономическими убеждениями, видением сравнительных достоинств протекционизма и свободной торговли, условий их применимости и оправданности.

Один из самых показательных случаев идеологической реабилитации протекционизма – принятая в январе 2010 г. Доктрина продовольственной безопасности РФ. В ней неудовлетворительное положение дел на продовольственном рынке страны напрямую увязывается с долей импорта, описан комплекс мер, которые должны привести к существенному росту доли самообеспечения россиян продовольствием.

Отношение к Доктрине продовольственной безопасности среди экспертов от бизнеса и науки крайне неоднозначное. Одни видят в ней лишь голый популизм и опасную провокацию, другие – здравую экономическую политику, с которой связывают надежды на развитие отечественного аграрного бизнеса. Этот документ вбирает в себя массу частных вопросов, включая оправданность и размер государственной помощи, выбранные отраслевые приоритеты, статистические индикаторы, временные горизонты и т.д. Однако главный нерв обсуждения доктрины – это отношение к протекционизму.

А оно варьируется от «губительного изоляционизма» до «благодетельного покровительства». Отсюда один шаг до размежевания по линии космополитизм – патриотизм. Конечно, фундаментальным основанием спора о протекционизме является принципиальная позиция по вопросам глобализации, наднационального регулирования, качественных характеристик постиндустриального общества. Но мы ограничимся вопросами, непосредственно касающимися политики протекционизма.

Познакомим читателей с мыслями по этому поводу двух далеких от экономического иконостаса людей – русского графа С.Ю. Витте¹ и русского химика Д.М. Менделеева². Поскольку Витте формулировал свою позицию как комментарии к «Национальной системе политической экономии» Ф. Листа, то и немецкий автор будет включен в наш анализ, правда, через толкования графа.

С.Ю. Витте

Германский подход

В 1889 г. директор департамента железнодорожных дел Министерства финансов С.Ю.Витте пишет брошюру «Национальная экономия и Фридрих Лист», в 1912 г. она переиздается с расширенным названием «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист».

При чтении этой работы неотвязно преследует одна мысль: какой была бы Россия, дай ей Бог возможность побыть под опекой таких графов? Рекорд Витте по протяженности построенных за год железных дорог не удалось превзойти даже в период советской индустриализации³. И какой была бы общественная наука, равняющаяся на такие образцы? Разум и

* Индивидуальный исследовательский проект № 10-01-0056 «Модели поведения участников продовольственных рынков в рамках реализации доктрины продовольственной безопасности РФ» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

¹ Титул графа С.Ю. Витте получил за дипломатическое искусство в ходе заключения Портсмутского мира в 1905 г.

² Знаменитый русский химик Д.И. Менделеев был авторитетным экономистом своего времени, экспертом в вопросах промышленной политики России.

³ Витте расширял сеть железных дорог как казенным строительством, так и соглашениями с акционерными обществами: те сохраняют в собственности принадлежащие им дороги при условии постройки новых линий, превосходящих длину первоначальных.

чувства как равноправные составные позиции. Увы, ни России, ни науке таких шансов не выпало.

За пару лет до Первой мировой войны уже министр финансов С.Ю. Витте, видя в росте амбиций и реальных достижений Германии угрозу России, вновь просит современников: обучайтесь на примере соседа, отдайте должное уму и патриотическому чувству князя Бисмарка. Основу успехов Германии граф видит в точном воплощении проекта национальной экономии, созданного Ф. Листом, чей труд был настольной книгой канцлера.

Величайшим бедствием считает С.Ю. Витте тот факт, что Россия проигнорировала мысли Ф. Листа, полностью подпав под обаяние «космополитической экономии», начала которой заложил А. Смит. Основатели этой науки, по его мнению, «имели в виду все человечество, а не нацию. Они создали не политическую, а космополитическую экономию, исходящую из гипотезы, что нации всего земного шара составляют одно общество»⁴.

Следуя в области политической экономии на буксире Запада, российские интеллектуалы довольно быстро переводили на русский язык книги порой откровенно второсортные, но вписанные в мейнстрим господствующей экономической доктрины. А вот книга Ф. Листа вышла на русском языке с полувековым опозданием⁵! Она стала поводом для осуждения автора-ретрограда, якобы не понимавшего азов классической политической экономии. Особенно старались англичане, защищавшие свой статус величайшей промышленной державы мира, который мог поколебаться, прими европейские правители сторону идей Листа. «Английский министр-зидент доносил в Лондон, что Лист является самым опасным человеком для интересов Англии»⁶. Его замалчивали, передергивали, карикатурно трактовали. Лист обосновывал условия эффективного протекционизма в то время, когда популярность идей фритредерства стремительно росла. В истории экономической мысли за Ф. Листом за-

крепился титул умного маргинала, стоявшего на обочине магистрального пути человеческой мысли.

Правда, князь Бисмарк не поленился взглянуть на эту обочину и, не вдаваясь в научные споры, своей политической силой проголоводал за его идеи. В самой Германии во всех университетах стал читаться курс национальной политической экономии. Но это была посмертная слава, при жизни идеи Листа не были приняты даже исторической школой германских экономистов. С.Ю. Витте пытается образовать (или образумить) своих современников, объясняя систему национальной экономии Ф. Листа, акцентирующую внимание на благотворности протекционизма при определенных исторических условиях. Его не волнует реакция тех, кто «рядится в тогу попугайской учености» и ведет спор на уровне цитирования теорем из учебников политической экономии, а интересует практический смысл идей гениального немца.

Опасность свободы

Ф. Лист считал, что аксиомы, верно применимые к индивидам или человечеству, не работают при переносе на нации. В основе работ классиков-экономистов Витте вслед за Листом видел «тупое доктринерское отрицание всех национальных потребностей»⁷. И пока человечество не слилось в экстазе братания и нации остаются реальностью с их порой остро противоречивыми интересами, помимо космополитической политической экономии, нужна отдельная наука, принимавшая нации основными субъектами экономического развития.

Эти коллективные акторы в своем поведении могут и должны руководствоваться другой логикой, нежели индивиды. Поведенческие решения рациональных индивидов, более или менее точно описываемые классиками-экономистами, способны привести нацию к катастрофе. От отдельных людей, чье поведение описывается доктриной рационального эгоиста, нельзя ждать готовности к жертвам и лишениям во имя успехов будущего поколения. Ошибка классической политической экономии, по мнению Витте, состоит в том, что арифметическая сумма интересов индивидов приравнивается к национальному интересу.

С.Ю. Витте обращается к работе Листа в контексте споров о том, можно ли и должно ли похоронить протекционизм и стать на путь свободной международной торговли. Очевидно,

⁴ *Bumme С.Ю.* По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. – М., Изд-во «Европа», 2005. – С. 286.

⁵ «Национальная система политической экономии» Ф. Листа, написанная в 1841 г., на русском языке выходит в 1891 г., спустя два года после публичной поддержки со стороны Витте, что вряд ли случайно.

⁶ *Bumme С.Ю.* Указ. соч. – С. 264-265.

⁷ *Bumme С.Ю.* Указ. соч. – С. 261.

что в общественном мнении прогрессисты отождествляются со сторонниками фритредерства. Витте необходимо было убедить соотечественников в том, что в мыслях и делах произошла изощренная подмена понятий, в результате чего стерлась грань между принципами внутреннего и международного рынков, а свобода кажется тем безграничнее, чем менее регулируем рынок. Витте, как и Лист, полностью признает силу и блага конкуренции. Но принципы внутреннего рынка нельзя автоматически переносить на внешний, равно как отождествлять свободу торговли со свободой вообще.

Витте – принципиальный противник идеи экономически открытых внешних границ, оправданных идеей распространения конкуренции на отношения между странами, вне анализа их конкретных исторических условий и сравнительного экономического потенциала. Он готов признать, что при определенных условиях свободная торговля между национальными экономиками может быть взаимно полезной, более того – единственно правильной моделью торговых отношений, но это не означает абсолютную и безусловную благость свободной торговли как таковой.

Более того, рецепт фритредерства, выписанный миру Англией, продемонстрировавшей чудеса экономического роста, может привести другие страны к катастрофе. Витте убежден в пагубности этого рецепта для России конца XIX – начала XX веков. Для него проблема протекционизма – не научная, а практическая. Он говорит о своих убеждениях открыто и ясно, называя себя националистом (как Листа и Бисмарка) и не ведая, что очень скоро это станет почти неприлично и небезопасно. «...Мы прежде всего русские, а потому совершили бы преступление, жертвуя ближайшими и насущными нуждами нашей родины ради отдаленных и гипотетических интересов человечества»⁸.

Боря Листа в союзники, Витте утверждает, что свободная торговля между странами оправдана и взаимно благотворна лишь при определенных условиях. Либо это торговые отношения равно преуспевших стран, развивших свой потенциал настолько, что конкуренция не способна задушить отечественное производство. Либо – торговля вырвавшихся вперед стран с безнадежно отставшими, находящимися на стадиях дикости. Суть торговли в первом случае состоит в разделении труда как механизме смягчения ресурсных ограничений

стран, во втором – в подтягивании отстающих народов как неизбежном и непреднамеренном следствии включения их в мировую систему.

Сегодня существует еще один вариант, до которого ни Витте, ни Лист не дожили – номинальность границ, объединение стран в союзы (по типу Евросоюза). Свободная торговля внутри них при всей противоречивости экономических последствий для отдельных стран, во-первых, дает участникам выгоды другой природы (политические, военные, культурные), а во-вторых, находится под присмотром наднационального регулирования, не исключая дотации как компенсацию издержек фритредерства. Впрочем, практика эта не такая уж и новая: Лист описывал исторические примеры, когда политическое единение создавало условия для коммерческого.

Причина богатства

Ф. Лист периодизировал историю по характеру производства, выделяя пять стадий: 1) дикое состояние; 2) пастушество; 3) земледелие; 4) земледелие и мануфактура; 5) земледелие, мануфактура и коммерция. На первых трех стадиях он рекомендует политику фритредерства: закрытие границ означает консервацию отсталости. Но решение задач двух последующих стадий он настоятельно советует проводить при радикальном протекционизме. Когда же цель промышленного лидерства достигнута, целесообразно переходить к свободной торговле.

Иными словами, применимость фритредерства должна исходить не из общих рассуждений о благе конкуренции, а быть частным решением на основе сравнения экономических потенциалов и стадий развития стран, их ресурсных ограничений. Сторонники фритредерства не устают извлекать из истории примеры губительности ограничений во внешней торговле, и в этой связи обычно вспоминают Венецию. Но данный пример не только не противоречит идеям Листа, но и подтверждает их: протекционизм – не панацея, и малым странам со скудными ресурсами он противопоказан.

Исторические примеры производят сильное впечатление. Например, Англия, захватив в качестве колонии Индию, получила доступ к беспрецедентно качественным и дешевым шелковым и хлопчатобумажным тканям. Английские купцы завалили ими всю континентальную Европу, но сама Англия не позволила себе потратить ни нитки. На их ввоз был наложен строжайший запрет. История

⁸ *Bumme C.Ю.* Указ. соч. – С. 268.

Англии сохранила довольно экстравагантные указы: после привлечения из Фландрии ремесленников, производящих сукно, король Эдуард III запретил одеваться в чужеземные сукна. Начало промышленному развитию страны положило именно суконное производство. Получив гарантии охранительного протекционизма, в эту отрасль устремился капитал, развилась конкуренция, и английское сукно стало синонимом качества. Вырвавшись благодаря предельному протекционизму в промышленные лидеры, Англия начала проповедовать теорию свободы обмена, «обморочившую одно время всю Европу»⁹.

Самым главным и внешне убийственным аргументом фритредеров служит ссылка на ограниченность национального капитала, необходимого для создания благ, включая природные ресурсы, численность населения и т.д. Дескать, спору нет, капитал устремится туда, где ему созданы лучшие условия, но он уйдет из других отраслей, и сумма благ, им производимых, не изменится. Таможенная система не ведет к экономическому росту страны, поскольку не способна смягчить ресурсные ограничения. Следовательно, протекционизм как «выдумка взбалмошных умов» абсурден, а его применение свидетельствует только о заблуждениях правителей.

Но ведь уже полвека прошло, как Ф.Лист ответил на этот вопрос. Суть в разделении политической экономии на ту, что посвящена **меновым стоимостям** и воплощена в трудах А. Смита и его последователей, и политическую экономию **производительных сил**, которые создают не капитал, но условия его воспроизводства – и эти условия всегда конкретны в разных национальных воплощениях.

В чем причина богатства? Почти все экономисты того времени – от А. Смита до К.Маркса – утверждали, что богатство создается только трудом. Ж.Б. Сэй выразил это предельно четко: «Законы не могут создавать богатства». Ф. Лист не отрицает важность труда. Но следует ли из этого, что беднеют только ленивые народы?

По его мнению, законы создают производительные силы, которые гораздо важнее богатства. У Листа государство, политическая воля, законы, религия, политические и гражданские учреждения реабилитированы как предмет национальной политической экономии, и не на правах «надстройки» или избы-

точных довесков к саморегулятивному потенциалу рынка, а как слагаемые производительных сил, направляющие нации на путь процветания или деградации. Экономическая политика есть производительная сила в том смысле, что способствует или препятствует производству меновых стоимостей. Витте говорил: «Таможенная система не увеличивает непосредственно количество материального имущества, а следовательно, и капитала, но развивает и укрепляет производительные силы, которые создают этот капитал». И далее, почти как афоризм: «Способность создавать богатство важнее самого богатства»¹⁰.

В поисках эмпирического подтверждения своей теории Лист анализирует экономическую историю разных стран, в том числе и нашей. Витте продолжил эту работу. История России в их написании выглядит как маятниковое движение от фритредерства к протекционизму, зачастую под гнетом объективных обстоятельств, а иногда по глупости правителей. *Преждевременность*, по мнению Витте, – ключевое слово в хозяйственном опыте России.

Так, уход в протекционизм, связанный с войнами, континентальной блокадой, ограничительными мерами других стран, был преждевремен для России, не исчерпавшей возможностей свободной торговли для развития своего земледелия. Тем не менее протекционизм дал всходы, стимулируя развитие экономики. Но после войны 1812 г. страна, уверовав в свою силу, уничтожает пошлины, преждевременно решаясь на свободную торговлю. Неокрепшая промышленность не выдерживает конкуренции, преимущественно английской. Единственное, что отделяет страну от экономического краха, – это неурожай в европейских странах (заокеанского продовольствия в Европе еще не было). Когда же эффект неурожая сошел на нет и Англия ограничила ввоз хлеба, а Канада – леса, Россия оказалась в тяжелом экономическом положении и вынуждена была отказаться от фритредерства.

Новая экономическая политика с 1821 г. привлекла в страну капиталы, стимулировала развитие промышленности. Немцы нервно наблюдали за успехами России, а Лист ставил ее в образец и призывал воспользоваться примером русских. Но наша страна не оправдала его надежд, приняв в 1857 г. новый либеральный таможенный тариф, продиктованный идеями свободной торговли и навязанный ей после

⁹ Bumme С.Ю. Указ. соч. – С. 279.

¹⁰ Bumme С.Ю. Указ. соч. – С. 271, 288.

поражения в Крымской войне. Тариф 1868 г. продолжил эту линию. По этому поводу С.Ю.Витте скорбно замечает: «Германия последовала совету Листа. Она воспользовалась нашим примером, но мы им не воспользовались»¹¹. Маятник качнулся в сторону фритредерства, преждевременного для неокрепшей и еще не готовой к конкуренции русской промышленности. Уроки извлекли, и в 1891 г. новый таможенный тариф возвестил о возврате к протекционизму.

На этом обзор Витте заканчивается. Эстафету обсуждения проблемы подхватывает Д.И. Менделеев, самым активным образом включившийся в обсуждение таможенного тарифа 1891 г.

Д.И. Менделеев Уроки Англии

Д.И. Менделеев давно и безуспешно пытался достучаться до бюрократической элиты России, доказывая, что либеральное таможенное регулирование блокирует развитие отечественной промышленности. Химия не мыслилась ученым в отрыве от производства, что расширяло круг его интересов до принципов промышленной политики. Но во времена министра финансов М.Х. Рейтерна, поклонника идей фритредерства (кстати, организатора продажи Аляски), рекомендации Менделеева-экономиста игнорировали.

Стратегический курс Витте совпал со взглядами знаменитого химика. В 1891 г. Менделеев пишет трактат «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г.». Таможенное регулирование обсуждается им страстно и даже патетически (впрочем, с позиций современного прочтения). Трактат интересен потрясающей вписанностью в современную дискуссию о правах страны на протекционизм, об издержках и условиях оправданности этой политики.

По убеждению Менделеева, протекционизм, как, впрочем, и фритредерство, нельзя оценить вне задач, решаемых страной. А потому примыкать к общему вектору – глупо, поскольку он определяется победителями в экономическом соревновании. Это их выбор. И повторять его – не только не приблизиться к победившим, но удалиться от них.

Все доводы, примеры, исторические аналогии этого трактата обращены к Англии. И

понятно почему. В 1891 г. Англия была безусловным лидером в производстве, науке, политике. Принцип внешней торговли, рекламируемый ею на собственном примере, – свободная торговля. Остальные страны дружно вторили фавориту. И российский рынок стал обрамляться интеллектуальными изысканиями, направленными на легитимизацию этого принципа. Будь это просто научный спор, Менделеев, может быть, и смолчал. Но он ввязался в дискуссию, полагая, что для России это важный вопрос (заметьте, не для науки, а для России).

Фактически вся работа Д.И. Менделеева посвящена вопросу: а нам эта свободная торговля нужна? И почему она нужна Англии? И чему нас учит ее история?

Оказывается, было время, когда великая морская держава была совсем не великой: на море царствовали голландцы, а внутренний рынок большого острова заполняли промышленные иноземные товары, преимущественно французские. Англия вывозила почти одно сырье, да и то не на своих кораблях. Собственных англичане почти не строили – получались они дорогими и некачественными. В общем, ничто не предвещало великого будущего. Но роль личности в истории никто не отменял.

Легендарный Кромвель издает знаменитый Навигационный акт (1651 г.), который нельзя расценить иначе как воплощение **радикального, предельного протекционизма**. Действовал он с небольшими перерывами два столетия и был отменен только в 1850 г. Согласно акту, иностранные корабли могли завозить товары только собственной страны. Уже одно это наносило сокрушительный удар по Голландии, чьи корабли преимущественно обслуживали морскую торговлю. Но этим дело не ограничилось. Отныне из английских колоний товары можно было вывозить только в Англию или через нее. И делать это разрешалось только на английских кораблях: они должны были быть построены в Англии, принадлежать англичанам, а команда – на три четверти состоять из английских подданных.

Нетрудно догадаться, что Навигационный акт вызвал колоссальный рост цен на привозимые товары, монопольно высокие прибыли немногих кораблестроителей, замедление развития колоний через ограничение спроса на производимые в них товары. Но несмотря на критику и недовольство, хватило политической воли удержать акт в силе. В этих беспрецедентно тепличных условиях, под крылом протекционизма, английское ко-

¹¹ *Bumme C.Ю.* Указ. соч. – С. 284.

раблестройство стало расти, перейдя от монополизма к конкуренции с соответствующим ростом качества и снижением цены. Англия стала великой морской державой. А поскольку этот акт сопровождался массой других протекционистских мер (запрет на импорт шерстяных тканей, крайне высокие пошлины на текстиль, мануфактурные изделия, зерно и пр.), то развились и другие отрасли, которые вскоре стали визитной карточкой страны. Менделеев называет такой протекционизм «возбуждающим» силы производства.

Крайне важный момент: не сам по себе протекционизм привел к таким результатам, и даже не согласованность этих мер со всеми остальными аспектами экономической политики, что крайне трудно достичь, лавируя между группами интересов. Это условия необходимые, но не достаточные. Был верно выбран объект опеки. Природные условия, ресурсная база, трудовая культура Англии были адекватны поставленной задаче. Голландия проиграла на море не потому, что не сочинила аналог Навигационного акта, а по причине отсутствия столь же благоприятных ресурсных возможностей, возбуждаемых протекционизмом.

Верный выбор

Никто не призывает к принципиальному закрытию границ, но их открытость и участие в мировой торговле должны сочетаться с правильно выбранными объектами протекционистской опеки. «...Протекционизм может быть полезен только при условии существования в данной стране всех естественных условий для развития того вида промышленности, который покровительствуется, для возрождения в ней внутреннего соревнования»¹². Не рубить окна надо, а точно и выверенно проектировать форточки.

Менделеев постоянно подчеркивает это обстоятельство: протекционизм ведет к монополизму, если ресурсы страны в данной сфере скудные. «Покровительство бесполезно, даже вредно, если в указанном смысле не предстоит никаких видов в будущем»¹³. При наличии же благоприятных естественных условий и разумной экономической политики монополизм постепенно преодолевается конкуренцией, что

ведет к снижению цен и созданию рабочих мест. Терпение и время – необходимые составляющие успеха при таком подходе. И ростом цен поплатиться придется, и завистью к барышам первых, кто выиграет от протекционизма, и градом обвинений в ретроградстве. Но потерпите, – просит Менделеев.

Россия XIX века имела громкие успехи на пути протекционизма. Свеклосахарная промышленность и производство керосина – тому примеры. Дешевый американский керосин не оставлял шансов нашим нефтяникам. Достижения ученых-химиков обогащали науку, но оставляли равнодушным бизнес, подкошенный американской ценой. Но правительство гарантировало нефтяникам таможенное покровительство, и за 20 лет Россия из импортера керосина (1860-е годы) превратилась в крупнейшего экспортера (1880-е годы), снизив при этом мировые цены. А казна вместо таможенных пошлин стала получать акцизные сборы. «Не будь таможенной пошлины на американский керосин, не было бы русского»¹⁴.

Плоды свободного рынка

Но ведь Англия ушла от протекционизма, резко переметнувшись к фритредерству. И позвала за собой все прогрессивное человечество, соблазнив возможностью не петлять в своей экономической истории, а сразу перескочить на финишную прямую лидера. В России, как вы помните, даже Онегин А. Смита читал, а уж ученые были сплошь прогрессистами. Менделеев не побоялся прослыть ретроградом.

Он считает, что Англия лукавит, выставляя свободную торговлю как универсальное свойство развитого рынка. Да, после двух веков последовательного и умного протекционизма выгоды этой страны связаны с фритредерством. По той простой причине, что конкуренция ей не страшна, а рынки сбыта и приложения капитала – нужны. И что немаловажно: защищая свой зерновой рынок и удерживая цены на хлеб, Англия столкнулась с угрозой политических волнений. Крупный бизнес требовал новых рынков сбыта, возможностей для импорта английского капитала, дешевого импортного хлеба для рабочих. Эту позицию заняла партия виггов, взяв в союзники господствующую экономическую доктрину невмешательства государства в торгово-промышленные отношения. Вместе они добились разворота

¹² Менделеев Д.И. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. – М.: «Европа», 2005. – С. 324.

¹³ Менделеев Д.И. Указ. соч. – С. 325.

¹⁴ Менделеев Д.И. Указ. соч. – С. 337.

внешней торговли в сторону фритредерства.

Но страны, не успевшие в силу различных обстоятельств развить адекватные своим ресурсным возможностям производства, повторяя эту модель, рискуют остаться без собственного производства, загубив ростки, поощряемые протекционизмом. Выиграют лишь потребители, да и то временно, пока будет литься золотой дождь демпинговых цен. Потом и это прекратится.

Менделеев призывает, прежде чем соглашаться на свободную торговлю, исчерпать все возможности протекционизма, развить под его охраной те виды деятельности, для которых есть естественные условия. Только результативный протекционизм готовит почву для фритредерства. «Когда раз укрепилось дело – тогда можно соперничать открыто, на свободном поле международного соревнования»¹⁵.

Примером разрушительного воздействия фритредерства служит аграрная история Англии. Образцовое сельское хозяйство держалось на землях лендлордов, и для удешевления зерна нужна была земельная реформа. Ее не успели или не решились провести. Свободная торговля в считанные годы смела зерновой рынок Англии, фактически упразднив пашни на карте страны. Конкуренция импорта не ускорила земельную реформу, а сняла этот вопрос с повестки дня ввиду отсутствия объекта реформирования. Трагедии не произошло, этот сценарий дал Англии свои выгоды. Так, дешевый импортный хлеб помог сохранить в стране порядок, обеспечил индустриальный рост руками разорившихся крестьян, а главное – снизил цену английских товаров, что облегчило их распространение по миру. Но на этом примере видно: под катком свободной торговли стремительно деградирует все, что либо не имеет основ для развития (включая климат, ресурсы, трудовую культуру и пр.), либо (что важно!) не успело укрепиться при наличии высокого потенциала.

В наше время оголтелой политкорректности как откровение звучит банальная мысль: каждая страна защищает исключительно свои интересы, и имеет на это полное право – не только юридическое, но и моральное. «...Законно всеми возможными способами желать и достигать преимущественного блага в своей стране, потому что каждый позаботится о себе»¹⁶. Закрыв границу для бельгийских зеркал, Россия спровоцирует несчастье в семье

бельгийского рабочего. Но для Менделеева пусть лучше разорится бельгийский рабочий, чем русский. Осуждение со стороны международного сообщества его не волнует, поскольку эта оценка всегда благосклонна к победителям. Обвинения и порицания сменятся восхищением и преклонением, стоит только вырваться вперед. «...А до тех пор пока не попробовали, да не достигли, хоть два века буду жить, все буду говорить: наложите пошлины, держитесь протекционизма»¹⁷.

* * *

Изложением взглядов Витте и Менделеева можно было бы и закончить и уйти тем самым от острых вопросов о применимости этих идей в наше время. Но рискну выразить симпатию этим идеям и высказать два соображения по этому поводу.

Первое. Субъектами активной пропаганды и внедрения идей фритредерства всегда были и остаются наиболее успешные страны – лидеры мировой экономики. Знаменитое Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ), ставшее основой ВТО, было инициировано единственным экономическим победителем во Второй мировой войне – США. Америка, вышедшая из войны преуспевшей и оторвавшейся вперед от разрушенных европейских экономик, возродила фритредерство. После Первой мировой войны победителей в экономическом аспекте, по сути, не было; в результате на европейском пространстве установилось многообразие протекционистских режимов. Собираение сил и зализывание ран адекватно политике протекционизма.

Второе. Ф. Лист, С.Ю. Витте, Д.И. Менделеев обсуждали проблемы индустриализации. Но развитые страны решают задачи уже постиндустриальной экономики. Тот же шаг предстоит сделать и России, если она не хочет отстать от мировых лидеров навсегда. Значит ли это, что идеи этих людей безнадежно устарели? Да, если признать, что глобализация полностью устраняет геополитические и геоэкономические противоречия в мировой системе, что создание инфраструктуры экономики знаний не нуждается в целенаправленной помощи национального государства. Согласитесь, что это слишком умозрительные допущения.

Статья поступила в редакцию 07.06.2011

¹⁵ Менделеев Д.И. Указ. соч. – С. 324.

¹⁶ Менделеев Д.И. Указ. соч. – С. 323.

¹⁷ Менделеев Д.И. Указ. соч. – С. 333.